

В данном тексте акцент ставится на следующие качества рекламируемого товара: новизна, стиль, привлекательность.

Новизна товара проявляется в том, что «обычные клавиши заменены» (сенсорными). Стильность товара отражается в применении существительного «дизайн», сопровождаемого качественными прилагательными «минималистский» и «эргономичный», прилагательных «стильного», «совершенное» (сочетание цветов).

Привлекательность товара подчеркивается такими лексическими единицами, как глаголами «манит» и причастием «превосходно» (выглядеть).

Мы видим здесь реализацию ценностно-ориентированной стратегии. Благодаря использованию определенной лексики образ товара связывают с такими качествами, как стиль, оригинальность, превосходство (причастие «превосходно» ассоциируется с существительным «превосходство»). Данные понятия в свою очередь являются коннотациями ценности «индивидуальность». Глагол неопределенной формы «выглядеть» в последней фразе придает фразе двойной смысл. Либо телефон имеет превосходный вид, либо телефон создан для того, чтобы его обладатель выглядел превосходно. Таким образом, в последней фразе текста происходит перенос ценности товара (в данном случае ценность «индивидуальность») на его потребителя.

По нашим наблюдениям над текстами русской рекламы ценность «индивидуальность» чаще всего используется в рекламе товаров для представителей возрастных групп до 40 лет. Таким образом, ценность «индивидуальность», являясь одной из базовых ценностей в западной культуре [8], в результате социо-экономических процессов, происходящих в российском обществе в последние десятилетия вошла в культуру русского народа. Однако данная ценность имеет наиболее большое значение для представителей молодых поколений, людей, которые вступают в жизнь в постсоветский период.

И так, лингвокультурологический подход к изучению рекламы дает исследователям возможность получать объективную картину социо-исторического развития национальных культур. Реклама представляет собой динамично изменяющееся явление, она «идет в ногу» с эпохой, и поэтому может служить надежным, наглядным материалом для исследований в области культурологии, социологии и других гуманитарных наук.

Литература

1. Барт Р. «Миф сегодня» / «Мифологии». – М., 2000.
2. Зинченко, В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. Системный подход. – Новгород, 2003.
3. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М., 1990.
4. Кохановский В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
5. Кочетова Л. А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
6. Пирогова Ю. К. «Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования» (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики 2001. – М., 2001. – С. 209-227.
7. Семаш А. Ю. Рекламная политика компании: активация мифа // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. Серия «Мыслители». Вып. № 8 – СПб.: Изд-во [Санкт-Петербургского философского общества](#), 2001. – С. 300.
8. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2005.

Лещак О.

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И ПРИНЦИПЫ СФЕРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ОПЫТА

В функционально-прагматическом исследовании опыта важны два ключевых исследовательских шага. Первым важным методическим шагом является прагматическая квалификация (т. е. установление места объекта в той или иной сфере опыта), вторым – квалификация функциональная, т. е. выяснение функционального характера объекта, иначе говоря, установление того, является ли он информацией субстанционального плана (и если да, то какой: потенциальной или актуальной), или же он вообще представляет собой процесс (и если да, то какого типа). Отсюда необходимость выделения двух дисциплин в пределах такого исследования: прагматической критики (занимающейся анализом и оценкой опыта с точки зрения значимых целей и релевантных ценностей того или иного типа человеческой деятельности) и функциональной критики (исследующей структуру и функционирование той или иной опытной сферы).

1. Лингвосомиотическая метафора

Главной формой отражения типичных схем опыта является язык.

Б. В. Марков

[...] языкознание должно быть разделом,

в сущности самым важным, общей науки о культуре.

Б. Малиновский

В основание обеих дисциплин я предлагаю положить методический прием, рабочую гипотезу, которую условно можно было бы назвать лингвосомиотической метафорой. Суть ее состоит в том, что положения функционально-прагматической теории языковой деятельности метафорически и метонимически переносятся на любую деятельность человека, а затем – на опыт в целом. Таким образом, основная идея такого рода переноса сводится к утверждению, что семиотика, а конкретнее, лингвосомиотика, может и должна рассматриваться в качестве своеобразной метадисциплины по отношению к общей антропологии и теории деятельности.

Для прагматической критики основанием переноса может служить теория стилистической дистрибуции дискурса, т. е. идея зависимости способа опытной деятельности от прагматики языковой деятельности и стиля речевого поведения. Лингвосомиотическая метафора позволяет на основании дискурсивно-прагматического анализа выделить реальные и виртуальные, рациональные и эмоциональные, а также психологические и социальные формы опыта.

Основой же функциональной критики является сосюрловско-щербовская формула выделения в пределах языковой деятельности (*langage*) языка (*langue*), речевого поведения (*parole*) и речи-результата (*text*). Эта логическая формула может стать универсальной схемой рассмотрения любого социокультурного и социально-

психологического явления. Например, в эстетике творчество (а равно и сотворчество реципиента) можно рассматривать как систему систем, включающую в себя талант/вкус (вместе с эстетическими знаниями, умениями и навыками), совокупность творческих (и рецептивных) актов и сами произведения. Науку можно представить как триадическую систему систем, состоящую из знаний (включающих теории и концепции), познавательной деятельности и научных текстов (семиотически фиксирующих результаты исследований). Сферу же общественной жизни можно понимать как единство системы этико-идеологических взглядов, общественного поведения и продуктов общественно-политической жизни (общественных событий). Семиотический способ критического рассуждения на следующем этапе позволяет нам конкретизировать вопрос о сущности объекта (кем/чем является объект? что он делает? или что с ним происходит? какой он? каковы обстоятельства событий, в которые он вовлечен: где? когда? откуда взялся? зачем? почему? благодаря или вопреки чему / кому? и под.). Не сложно заметить, что логика лингвосемиотической критики опирается на синтаксический анализ предложения, которое принимается в качестве информационного аналога опытной ситуации.

Кроме перечисленных базовых вопросов функционально-прагматическая критика постоянно черпает из семиотики и социальной психологии образцы более частных вопросов на более конкретных и частных этапах анализа. К таким вопросам, заимствованным функционально-прагматической критикой из семиотики, относятся вопросы дистрибуции синхронии и диахронии, статики и динамики. Первая дистрибуция касается разграничения круга проблем, касающихся функционирования объекта критики и его происхождения, а вторая – проблем, касающихся эссенциальной сути объекта, а также способов и форм его экзистенции.

Еще одной (хотя и более частной) мегадисциплиной по отношению к функциональной критике опыта может стать ономазиология (теория номинации), в частности концепция ономазиологических категорий (впервые предложенная Милошем Докулилом) и концепция актуального членения предложения Вилема Матезиуса. Любое гуманитарное явление системно (парадигматически) может быть рассмотрено в категориях субстанции (предметности), процесса (процессуального признака субстанции), атрибута (непроцессуального признака субстанции) и обстоятельства (признака процесса или другого признака), а актуально (синтагматически) – в категориях события и его составляющих: процесса (состояния), субъекта, объекта, свойства и обстоятельства. Структуры потенциального и актуального бытия при этом не изоморфны, в центре первого лежит понятие субстанции, в центре второго – синкретическое понятие события. В то же время каждый элемент опытной деятельности по аналогии с речевыми знаками может быть рассмотрен в функциональной перспективе как рема-тематическое соположение старой (базовой) и новой (характеризующей, модифицирующей) информации.

Именно ономазиология с ее последовательным разведением потенциального бытия (системы) и актуального здесь-и-сейчас бытия (события), т. е. языка и речи, а также процессов номинации и предикации, генерализации и референции может дать полезный инструментальный функционально-прагматической критике опыта. В этом нет ничего удивительного, поскольку человеческий язык прямо или косвенно проявляет способ мировидения и миропонимания, а также в свою очередь, влияет на них. Изучение психосемантики языка и речемышления может быть весьма полезно для создания метаязыка функциональной логики и оснований функционально-прагматической критики. Языки (в частности, языки европейские, на которых говорят народы, создающие современную техническую цивилизацию) имплицитно содержат в своей структуре следы того же способа мышления и поведения, который проявляется в этой цивилизации. Поэтому не следует удивляться тому, что в грамматической категории глагольного наклонения можно увидеть ту же пространственную перспективу деятельности, что и в во всем опыте, а именно деление на реальный и виртуальный (желаемый или требуемый) мир, в грамматической категории глагольного времени – все то же прошлое (традицию), настоящее (современность) и будущее (планирование и прогнозирование), а в грамматической категории залога – активное и пассивное отношение к происходящим событиям действительности. И в действительности совершенно неважно, проникли ли эти категории в язык из мышления и невербальной деятельности или же это язык навязал современному человеческому опыту именно такие категории структурирования мышления и предметной деятельности. Важно то, что, опираясь на лингвистические сведения о языке и применяя лингвосемиотическую метафору, можно попытаться прагматически типологизировать человеческий опыт.

Особенность предложенного методического шага состоит в его глобальном характере. Перенос касается не только пары «языковая (знаковая) деятельность – опыт», но и всего комплекса семиотически и опытных функций: «язык – картина мира», «речь – опытные действия», «сигнальные речевые акты – интерактивные социальные действия», «внутренняя речь – психологические акты», «текст – факт», «знак – информация», «языковая модель – алгоритм деятельности», а также целого ряда свойств и характеристик, приписываемых лингвистическим объектам, которые переносятся на их «аналоги» в мире человеческого опыта. Лучше всего представить эти положения в сопоставительной таблице:

Лингвосемиотические положения	Аналогии в критике опыта
Языковая деятельность обладает психосоциальным характером	Опыт психосоциален (антропологичен) по своей онтологической сути
Семиотические явления представляют собой функцию отношения смысла к сигнальным предметам	Опытные явления представляют собой функцию отношения сенсорных данных к трансцендентальным категориям
Языковая деятельность выполняет функцию регулятора социального взаимодействия	Опыт выполняет функцию регулятора жизнедеятельности человека
Речевая деятельность выполняет две взаимно дополняющие и обратно пропорциональные функции: коммуникативную (общения) и экспрессивную (сообщения, выражения интенции)	Опытные действия выполняют две взаимно дополняющие и обратно пропорциональные функции: приспособительную (внешнюю) и систематизирующую (внутреннюю)
В языковой деятельности выделяем три типа структурных	В опыте выделяем три типа структурных функций:

функций: потенциальную (язык, языковую систему), процессуальную (речевые акты, речевую деятельность) и результативную (речевой поток, текст)	потенциальную (картину мира), процессуальную (опытные акты, деятельность, здесь-и-сейчас-бытие) и результативную (факты, ситуации, события)
Язык как знаковая система имеет две функциональные ипостаси: идиолект (язык как средство индивидуализации) и социолект (язык как средство единения той или иной социальной группы)	Опыт имеет одновременно две ипостаси: единичную (индивидуально-психологическую, личностную, т. е. интимную) и обобщенную (социально-психологическую, групповую, этническую, культурно-цивилизационную, общечеловеческую, т. е. публичную)
Социолект – функциональная форма идиолекта	Общественные и культурно-исторические явления – формы личностного опыта
Генетически язык имеет две стороны: естественную (узус) и искусственную (норма). В свою очередь норма может иметь форму усредненного общепринятого стандарта и кодифицированного литературного языка	В опыте можно выделить две стороны: естественную (арефлексивную) и искусственную (культурно-цивилизационную). В этой последней, в свою очередь, можно выделить неформальную и официальную стороны
В языке выделяем две подсистемы: информационную базу (систему знаков, воспроизводимых информационных единиц) и внутреннюю форму (систему моделей речевой деятельности)	В картине мира различаем прошлый опыт (воспоминания, воспроизводимые знания) и будущий опыт (планы, сценарии поведения, алгоритмы деятельности)
Речевая деятельность состоит одновременно в рече-производстве (словоупотреблении, формообразовании, создании синтагм, предложений, текстов) и пополнении языка (словопроизводстве, фразопроизводстве, образовании новых моделей)	Опытная деятельность состоит одновременно в креации (инновации, создании новых энергоматериальных и информационных артефактов) и традиции (гомеостатическом развитии и укреплении наличного мира и уже существующей картины мира)
Речевая деятельность состоит одновременно из актов внутренней речи (кодирования и декодирования) и актов внешней речи (сигнализации)	Опытная деятельность имеет две стороны: внутреннюю (воспоминание, планирование, мышление, переживание, волеизъявление, аффектирование, ощущение) и внешнюю (предметная деятельность, социальная интеракция)
В языковой деятельности все элементы связаны двумя типами отношений: парадигматически (по сходству, в классы и категории) и синтагматически (по смежности, в поля и ряды)	Все части опыта связаны друг с другом двумя типами связи: по сходству (качественные системные структуры, информационные классы и типы) и смежности (количественные линейные структуры, опытные пространства и акты)
Использование знака может быть либо неспецифицированное (обычная коммуникация, слово), терминологическое (рациональное, смысловое) и образное (эмоциональное, формальное)	Опытная деятельность может быть арефлексивной (обыденная деятельность), рациональной (деловая, познавательная деятельность) либо эмоциональной (этическая, эстетическая деятельность)

События (действия) в тексте могут быть представлены в трех наклонениях: изъявительного (представление действия или события как реального), повелительного (представление действия как желательного или необходимого) и условного (представление действия как возможного)	Явления опыта могут быть представлены в трех модусах: асерторическом (представление явления как действительного, реальный опыт), аподиктическом (представление явления как необходимого, наука) и проблематическом (представление явления как возможного, искусство)
В языковой деятельности выделяем пять базовых функциональных стилей: разговорный, официально-деловой, научный, публицистический и художественный	В опыте можно выделить шесть базовых социальных типов деятельности и шесть сфер: обыденную, социально-этическую, деловую, научную, эстетическую и философскую ¹ .
Основой систематизации в функциональной лингвистике является многомерная типология (равномерное распределение объектов на взаимосвязанных шкалах) в сочетании с классификацией (распределение объектов по иерархически организованным классам). Классификация предполагает четкое разграничение инвариантных единиц. Языковой инвариант является сложной функцией, пучком релевантных и дистинктивных признаков. Шкалирование предполагает наличие переходных явлений.	Опыт может быть типологизирован и классифицирован по множеству критериев. Классификация осуществляется по принципу выделения релевантных (прагматических) и дистинктивных (функциональных) категориальных признаков опытной информации. Типологизация опыта предполагает наличие ядерных сфер опыта и типов деятельности наряду с переходными и смешанными.

Может сложиться впечатление, что предложенная здесь в качестве методического приема семиотическая метафора является еще одной из форм вербализма. Как отмечает русский антрополог Б. Марков, «если аналитическая философия соотносит язык с формами жизни и инструментальными практиками, то герменевтика, опираясь на употребление языка в искусстве, связывает его с символическими кодами, имеющими довольно жесткую структуру. При этом тяготеющие к психоанализу исследователи склонны связывать язык с символами бессознательного, а представители трансценденталистской традиции – с бытием»². Предлагаемый мною методический шаг не имеет ничего общего ни с цивилизационным панвербализмом лингвистической (аналитической) философии, сводящим весь рациональный человеческий опыт к совокупности истинных или ложных предложений, ни с культурным панвербализмом герменевтики и постмодернизма, «снимающим» грань между текстом (дискурсом) и миром культуры (а иногда и миром в целом).

Язык в предлагаемой здесь концепции ни в коей мере и ни в какой форме не является фактором онтологизации опыта. «Слово, будучи средством развития мысли, изменения образа в понятие, само не составляет ее содержания»³. И с этой мыслью Потебни я совершенно солидарен. Не человеческий опыт является

частью языка, а язык – существенной, но лишь частью человеческого опыта. Не опыт является языковым по своей онтологической сути, а язык обладает опытным характером. Изоморфизм языковой деятельности и опыта, легший в основу лингвосомиотической метафоры, это не более чем прагматическая рабочая гипотеза, доказать или опровергнуть которую можно лишь после проведения сферической типологизации опыта и деятельности, чему и будет посвящена вторая том этой книги. Пока же следует оговорить основания, на которых может быть проведена такая типологизация.

2. Сферическая типология

Никакую проблему невозможно решить на том же уровне, на каком она возникла.

А. Эйнштейн

Вернемся, однако, к прагматической критике. Одним из важнейших исследовательских методов, используемых в данной дисциплине может стать типологизация опыта по целевому принципу. Классическим примером типологизации является простое шкалирование, т. е. распределение элементов и функций объекта по принципу нарастания – спада релевантности признака. Этим типология принципиально отличается от классификации.

Функционально-прагматический подход, предполагающий исследование объекта в его функциональных связях и в деятельности, требует более совершенной методики типологизации. Таким, весьма удобным инструментом мог бы стать принцип сферической (глобальной) типологии. Термин «глобальный» здесь должен ассоциироваться не с глобализмом или всеобъемлемостью, а всего лишь с его внутренней формой, т. е. с идеей шарообразности. Суть этого методического приема состоит в том, чтобы представить типологизируемое пространство как максимально плюралистическое и многомерное. При трехмерном восприятии пространства идеальной фигурой для такой типологии является именно шар. Идея сферической типологии предполагает:

а) возможность установления бесконечного множества типологических шкал таким образом, чтобы продемонстрировать все многообразие связей данной единицы со всеми остальными единицами типологизируемого пространства,

б) избежание необходимости строгого разграничения типов единиц и жесткой их классификации и, как следствие,

в) представление типологии как плавного перехода одного типа в другой по различным критериям и направлениям типологизации.

Вместе с тем, не стоит путать сферической типологии ни с хаологией или методологической анархией с их принципом механической пролиферации и плюрализации, ни с объективным холизмом, полагающим в основу принцип всеединства и цельности мира. Прагматическая типология ни в коем случае не претендует на описание объекта непредвзятым наблюдателем. Функциональный прагматизм ничего не говорит об объективном мире: ни того, что он глобально системен и в нем все со всем связано, ни того, что он хаотичен и в нем нет никаких стабильных множеств и систем. Напротив, это трансцендентальная концепция объяснения понимания объекта исследователем. Задача исследователя – создать концепцию, которая была бы оптимальным средством связывания частей опыта, их уяснения и объяснения. Мне кажется, что сферическая типология может стать таким удобным познавательным средством, поскольку не ограничивает никаких возможностей, тем более, что исследователь вправе сам избирать точки шкалирования типологизируемого пространства. Перед ним стоит только одно ограничение: предлагаемые им точки глобализации и векторы шкалирования не должны противоречить основным принципам его концепции и должны быть подчинены определенной заранее заданной логике.

Очень интересна в этом смысле следующая цитата из Канта, которую, я полагаю, можно вполне считать концептуальным обоснованием сферической типологии: «Всякое понятие можно рассматривать как точку, которая, как точка зрения наблюдателя, имеет свой горизонт, т. е. определенное множество вещей, которые можно представить и как бы обозреть из этой точки. Необходимо, чтобы внутри этого горизонта можно было указать бесчисленное множество точек, из которых каждая в свою очередь имеет свой более узкий кругозор; иными словами, всякий вид содержит в себе подвиды согласно принципу спецификации, и логический горизонт состоит лишь из меньших горизонтов (подвидов), а не точек, не имеющих никакого объема (не из индивидуумов). Но для различных горизонтов, т. е. родов, определяемых столькими же понятиями, можно мыслить себе общий горизонт, из которого, как из средоточия, все они обозримы, и этот горизонт есть более высокий род, а высший род в конце концов есть всеобщий и истинный горизонт, определяемый с точки зрения высшего понятия и охватывающий собой все многообразие как роды, виды и подвиды»⁴. Мне кажется вполне уместным сравнить эту мысль Канта с изречением Паскаля о том, что мир – это сфера, центр которой повсюду, а окружности нет нигде.

Это наиболее принципиальный момент для разграничения прагматической типологизации и постмодернистской языковой игры без правил.

Как представляется совокупность объектов сферической типологизации? Обычно в таких случаях говорят о предметном поле, в нашем же случае можно смело использовать определение объектная или предметная сфера в прямом смысле слова *сфера*. При этом каждый элемент такой сферы может быть представлен как функция или как точка функционального напряжения, точка пересечения множества разнотипных и разнонаправленных функций (связей, отношений и зависимостей). Такой методический прием позволяет, с одной стороны, объяснить специфичность и оригинальность каждого типологизируемого объекта, с другой же – указать с большой долей вероятности на его место в объектной сфере критики, но не абсолютное, а относительно других сходных и смежных объектов-функций. Так, типологизируя взгляды философов и ученых, эстетические вкусы, политические и идеологические доктрины, религиозные верования, приемы и методы практической и экономической деятельности или просто жизненные и мировоззренческие позиции, важно лишь выделить условный нулевой пункт абсолютной нейтральности относительно всяческих оппозиций и спецификаций

(понятно, что это лишь гипотетическая точка, поскольку вы не найдете ни одного человека, который был бы, например, художником или любителем живописи, и при этом не имел никаких вкусовых пристрастий или предпочтений). Затем следует определиться с самыми принципиальными противоречиями в рассматриваемой деятельности. Если это наука, то, понятно, таковыми будут понимание объекта, его познаваемости и метода его исследования. Сферический характер типологии позволяет учитывать самые разнообразные и самые тонкие нюансы расхождений во взглядах.

Важным приемом прагматической типологизации является т.н. «челночный» принцип критического анализа, т. е. переход от наиболее общих критериев типологизации к самым конкретным фактам и обратно с постепенным сужением диапазона путем конкретизации критериев типологического анализа и одновременного обобщения фактов. Он позволяет выбрать оптимальный способ разложения типологизируемых объектов в пространстве объектной сферы. Помним, что наша задача не создать полную и исчерпывающую картину исследуемого объекта, а дать наиболее действенную, полезную для целей исследования систему знания о нем. При этом совершенно снимается проблема эволюции взглядов, вкусов или мнений. Объектом типологизации может являться и конкретный выраженный в какой-либо наблюдаемой форме отдельный взгляд отдельного лица, и совокупность наиболее общих и стабильных взглядов этого лица, и совокупность принципиально сходных взглядов группы лиц. Таким образом не только взгляды, характерные для целых течений, направлений, школ, но даже разные взгляды, мнения, вкусы одного и того же индивида, выраженные им в различных формах и в разное время, могут быть учтены в сферической типологии именно как различные типологизируемые объекты.

Именно этот метод типологизации был использован в данной работе для типологизации опыта и критического анализа семиотической деятельности.

Одним из наиболее интересных моментов сферической типологизации является то, не только весь опыт понимается здесь как шар с условным центром нейтрализации всех противоположностей, но и каждая часть опыта может (и должна) рассматриваться именно как сферическая система с пограничными переходными зонами со всеми остальными частями. Именно поэтому предложенный методический прием можно еще назвать полисферической типологизацией. Эту форму легче вообразить, чем представить геометрически. Если бы попытаться это сделать, следовало бы изобразить шар, состоящий из секторов, каждый из которых в свою очередь является шаром, состоящим из секторов-шаров. И так до бесконечности. Тем не менее, такой способ представления опыта позволяет объяснить, во-первых, что все типы деятельности функционально между собой связаны и взаимно друг в друга переходят, а во-вторых, что каждый из них может быть подвергнут типологизации на тех же основаниях, на каких был типологизован весь опыт как целое.

Литература

1. Кант, ¹И. *Критика чистого разума*, [в:] Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. — М., 1994.
2. Марков Б. В. *Философская антропология: очерки истории и теории*, С.-Петербург 1997, http://anthropology.ru/ru/texts/markov/fantr_i_3.html.
3. Потебня, А. А. *Мысль и язык*. — К., 1993.

Примечания

¹Различие в количестве традиционно выделяемых стилей и типов деятельности объясняется тем, что при всей специфичности философии она, тем не менее, не обладает достаточно выразительными средствами семиотизации, которые могли бы ее однозначно отличить от науки и искусства.

² Б. В. Марков, *Философская антропология: очерки истории и теории*, С.-Петербург 1997, http://anthropology.ru/ru/texts/markov/fantr_i_3.html.

³ А. А. Потебня. *Мысль и язык*, с. 117.

⁴ И. Кант, *Критика чистого разума*, с. 492.

Литвак С. Я.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

Возрастающий интерес современной лингвистики к изучению человеческого фактора в языке вызвал появление целого ряда работ, посвященных исследованию различных аспектов языковых картин мира и проблем языкового релятивизма [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Однако вопрос об этнической специфичности грамматического уровня языка и о сопоставительном анализе семантики одноименных грамматических категорий разных языков продолжают оставаться недостаточно разработанными.

Целью нашей работы является освещение указанных вопросов на материале нескольких языков. Эта цель обусловила решение следующих задач:

- 1) обосновать этнический характер грамматического уровня языка;
- 2) охарактеризовать семантические расхождения между языками на грамматическом уровне, в которых запечатлены фрагменты различных языковых картин мира;
- 3) дать классификацию одноименных грамматических категорий разных языков.

1. В наше время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит действительность, имеет свой специфический способ ее концептуализации. Как подчеркивал еще В. Гумбольдт, различие языков состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений [11: 139]. Особое мировидение – это и есть специфическая языковая картина мира (ЯКМ).

Анализируя картину мира какого-либо языка, лингвисты обращаются главным образом к его лексико-семантической системе. Например, Н. П. Тропинина отмечает, что ЯКМ формируется прежде всего лексико-семантической системой языка, хотя и другие языковые уровни участвуют в ее формировании [12: 12]. Более определенно о необходимости привлечения к таким исследованиям других уровней языка высказывается И. А. Голубовская. Она считает, что в выражении культурно-национальной специфики задействованы все без исключения уровни языковой системы [13:11]. Некоторые ученые очень четко говорят о роли грамматического уровня языка в представлении ЯКМ. Так, Е. В. Урысон указывает, что «специфичная языковая картина мира